

УДК 341.231.14:341.645.5(4)

ПРАВО ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Умеренкова О.П., ассистент
кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения
Национальный университет «Одесская юридическая академия»

В статье представлено теоретико-терминологическое исследование «права доступа к правосудию», исходя из практики Европейского Суда по правам человека. Исследуя решения Европейского Суда по правам человека и толкования, определяются его основные черты и потенциальная возможность классификации его составляющих.

Ключевые слова: право доступа к правосудию, право на суд, право на справедливое судебное разбирательство, решения Европейского Суда по правам человека.

У статті представлено теоретико-термінологічне дослідження «права доступу до правосуддя», виходячи з практики Європейського Суду з прав людини. Досліджуючи рішення Європейського Суду з прав людини та тлумачення, визначаються його основні риси і потенційна можливість класифікації його складових.

Ключові слова: право доступу до правосуддя, право на суд, право на справедливий судовий розгляд, рішення Європейського Суду з прав людини.

Umerenkova O.P. THE RIGHT OF ACCESS TO A COURT IN PRACTICE OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: THEORETICAL AND TERMINOLOGICAL RESEARCH

The article represents theoretical and terminological research of right of access to a court based on practice of European Court of Human Rights. Its characteristics and potential classifications of components defines by investigation and interpretation decisions of European Court of Human Rights.

Key words: right of access to a court, right to a court, right to a fair trial, European Court of Human Rights.

Постановка проблемы. Право доступа к правосудию является одним из фундаментальных прав человека, которое позволяет ему должным образом защитить свои права и интересы. В правовой доктрине оно рассматривается, как субъективное право, то есть, как закреплённое в нормативно-правовых актах, что позволяет лицу пользоваться указанным правом, требовать соответствующего поведения от других лиц и в случае нарушения обращаться в компетентные органы за защитой своих прав и интересов. Понятие «право доступа к правосудию» не получило должного определения в международном праве. Частично оно закрепляется во Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация), принятой в 1948 году в рамках ООН. В статье 8 Декларации закрепляется, что «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [1]. Однако упомянутая норма не раскрывает должным образом содержание данного права.

Степень разработанности проблемы. Некоторые авторы (М.Р. Аракелян «Право на доступ к правосудию в контексте правозащитной системы Украины», П.З. Гарейшина «Право на доступ к правосудию», С.В. Булаковский «Обеспечение доступа к правосудию военнослужащих, проходящих военную службу за пределами территории Российской Федерации», Л.С. Чернухина «Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия» и др.) отмечают, что положение, устанавливающее право доступа к правосудию, закрепляется в статье 10

Декларации, где прописывается, что каждый человек для утверждения его прав и обязанностей, и при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе равенства на публичное и справедливое рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом [1]. По мнению автора, кроме гарантий справедливого судебного разбирательства, данная статья не содержит положений, которые закрепляли бы право доступа к правосудию. Основанное на положении статьи 10 Декларации предписание, статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятое в 1966 году, в котором помимо независимости и беспристрастности также закрепляются такие требования к суду, как компетентность и создание на основании закона [2], преследует ту же цель.

Принятая в рамках Совета Европы в 1950 году Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), основывалась также на положениях, закреплённых в Декларации, как подчеркнута в преамбуле конвенции, «Договаривающиеся стороны преисполнены решимости сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во всеобщей Декларации» [3]. Статья 10 Декларации была использована в качестве источника пункта 1 статьи 6 Конвенции, в которой кроме вышеназванных требований к суду, закрепляется положение о рассмотрении дела в разумный срок. Таким образом, статья 6 Конвенции, как и статья 10 Декларации, содержит положения, включающие категории процессуальных гарантий. В пункте 1 статьи 6 Конвенции закрепляет-

ся, что каждый человек в случае спора о его гражданских правах и обязанностях, или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, имеет право на справедливое и публичное рассмотрение дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [3]. Исходя из текста данной статьи, видно, что она регламентирует уже находящееся в производстве дело и указывает на характерные черты ведения судебного процесса, а также устанавливает требования к суду, как учреждению. Таким образом, в пункте 1 данной статьи сделан акцент на процессуальных гарантиях справедливого судебного разбирательства, а не на существовании обособленного права доступа к правосудию.

Одним из органов Совета Европы, который непосредственно влияет на развитие положений Конвенции, является Европейский Суд по правам человека (далее – Суд). Исходя из его решений, имеющих силу прецедента, права и свободы, закрепленные в Конвенции, постоянно обогащаются новым содержанием.

Толкование нормы, которая закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, а также отдельных его элементов, дано в ряде решений Суда и Европейской комиссии по правам человека (существовала до 1998 года). В решении по делу Голдер (Golder) против Соединенного Королевства, рассмотренного в 1975 году, впервые в качестве основного права было признано право доступа к правосудию по гражданским делам.

В своем решении Суд пришел к выводу о том, что в пункте 1 статьи 6 Конвенции отображается право доступа к правосудию, исходя из предмета и целей Конвенции, закрепленных в Преамбуле, а также общих принципов права. Опираясь на верховенство права, как характерную черту общего духовного наследия государств-участников Совета Европы, что прописывается в преамбуле Конвенции, Суд определил, что «верховенство права в гражданско-правовых делах трудно себе представить без возможности получить доступ к правосудию» (п. 34) [4]. Также Суд подчеркнул, что «принцип, согласно которому спор гражданско-правового характера может быть передан в суд, относится к числу всемерно признанных основополагающих принципов права; это справедливо и в отношении принципа международного права, который запрещает отказ в правосудии» (п. 35) [4].

Основываясь на данных положениях, Суд отметил, что «если бы текст указанной статьи понимался, как закрепляющий исключительно положение о движении дела, которое уже передано в суд, то договаривающееся государство могло бы, не нарушая эту статью, упразднить свои суды или вывести из их юрисдикции рассмотрение некоторых видов гражданских дел, поручив их органам, находящимся в зависимости от правительства. Подобные допущения, неотделимые от опасности произвола, имели бы весьма серьезные последствия, которые несовместимы с указанными выше принципами» (п. 35) [4]. Также, по мнению Суда, «было бы немислимо,

чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции содержал подробное описание предоставляемых сторонам процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищал бы, в первую очередь, то, что дает возможность на практике пользоваться такими гарантиями, как доступ к суду. Такие гарантии ведения процесса, как справедливость, публичность, оперативность, лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства» (п. 35) [4].

В своем особом мнении некоторые судьи отметили, что Суд выводит право доступа к правосудию, исходя из Конвенции частично путем толкования положений, основанных на общих рассуждениях, которые не относятся к положениям, закрепленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции, частично с помощью выводов, которые следуют из содержащихся в данной статье положений, однако прямо или описательно настоящая статья о таком праве не говорит (см. особое мнение судьи сэра Джеральда Фицмориса) [4]. Подобное расширенное толкование противоречит положению, прописанному в преамбуле и в статье 1 Конвенции, где закрепляется, что обязательства, взятые на себя согласно данной Конвенции договаривающимися государствами, относятся только к тем правам и свободам, которые в ней определены, то есть, точно сформулированы (см. особое мнение судьи Зекиа) [4]. Также положения Конвенции, относящиеся к правам и свободам, представляют собой одновременно и пределы юрисдикции данного Суда, так как при подписании Конвенции договаривающиеся государства передали Европейской комиссии по правам человека и Суду контроль над соблюдением «определенных прав», закрепленных в разделе 1 Конвенции, таким образом четко очертив границы их компетенции (см. особое мнение судьи Фердроса) [4]. Расширенное толкование может привести к тому, что государства, подписавшие Конвенцию, окажутся связанными обязательствами, которые они не могут выполнить, поэтому требуется консервативное и осторожное толкование. Это в особенности касается положений, значение которых представляется недостаточно определенным.

Однако Суд пришел к выводу, что пункт 1 статьи 6 Конвенции «признает «право на суд», в котором право доступа, понимаемое, как возможность инициировать судебное производство по гражданским делам, составляет лишь один из аспектов. К этому следует добавить гарантии, закрепленные в пункте 1 статьи 6 Конвенции, относящиеся к организации и составу суда, а также к движению процесса. И все это в целом представляет собой право на справедливое судебное разбирательство» (п. 36) [4]. Таким образом, при рассмотрении данного дела Суд определил, что указанная норма Конвенции включает в себя не только гарантии справедливого судебного процесса, но и право лица инициировать такое производство, при вынесении решения основной целью Суда было обеспечение практической эффективности права на справедливое судебное разбирательство.

В последующих решениях Суд более детально рассматривает право доступа к пра-

восудию, наделяя его дополнительными характеристиками. При рассмотрении дела «Кутич (Kutic) против Хорватии» Суд подчеркнул, что «процессуальные гарантии, лежащие в основе статьи 6 Конвенции, призваны обеспечить каждому право на обращение в суд для решения вопроса относительно своих гражданских прав и обязанностей; в этом понимании данная статья обеспечивает «право на суд», одним из аспектов которого является право доступа к правосудию, то есть право инициировать судебное разбирательство по гражданским делам» (п. 24) [5]. Далее Суд отметил, что «право доступа к правосудию включает также требование по исполнению окончательного судебного решения, которое вступило в силу» (п. 24) [5]. Суд обосновал данное утверждение тем, что в государствах, которые признали принцип верховенства права, окончательные решения суда не могут оставаться «не воплощенными в жизнь» в ущерб одной из сторон (см. решение Суда по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции»). Также при рассмотрении данного дела Суд определил, что «так как пункт 1 статьи 6 Конвенции гарантирует лицу право доступа к правосудию, то данная норма включает не только право инициировать судебное разбирательство, а и право на «разрешение» спора судом» (п. 25) [5].

Исходя из практики Суда, можно сделать вывод, что «право на суд» определяется, как право каждого обратиться в суд для решения вопроса относительно своих гражданских прав и обязанностей. Оно включает в себя право доступа к правосудию и процессуальные гарантии справедливого судебного разбирательства. В свою очередь, право доступа к правосудию – это право инициировать судебное разбирательство по гражданским делам, из него следует «право на разрешение спора судом» и «право на надлежащие исполнение окончательных и обязательных решений суда».

Основными ценностными характеристиками права доступа к правосудию являются «реальность и эффективность». При рассмотрении дела «Беллет (Bellet) против Франции», Суд отметил, что «уровень доступа, предоставленный национальным законодательством, должен быть достаточным для обеспечения права человека на суд, учитывая принцип верховенства права в демократическом обществе. Для того, чтобы доступ был эффективным, лицо должно иметь четкую, практическую возможность обжаловать акт, которым осуществляется вмешательство в его права» (п. 36) [6]. При рассмотрении дела Микулова (Mikulova) против Словакии Суд определил, что «статья 6 Конвенции не обязывает договаривающееся государство учреждать суды апелляционной или кассационной инстанции. Однако, если такие суды существуют, то требования статьи 6 должны быть соблюдены с тем, чтобы, к примеру, гарантировать участникам процесса эффективное право доступа к правосудию для разрешения спора об их «гражданских правах и обязанностях» (п. 52) [7]. Следовательно, право на доступ к правосудию включает в

себя не только право инициировать судебное разбирательство по гражданским делам в суде первой инстанции, но и право доступа в суды высших инстанций (апелляционной и кассационной) с жалобами на вынесенные ими судебные решения с целью их отмены, изменения или пересмотра. Суд также отметил, что «правила, регулирующие условия приемлемости жалоб, подаваемых в суды высшей инстанции, без сомнения предназначены для обеспечения надлежащего отправления правосудия и соблюдения, в частности, принципа правовой определенности» (п. 52) [7]. Таким образом, государство не должно создавать юридических и практических препятствий по осуществлению права доступа к правосудию, а также обеспечить эффективный механизм его реализации. Так, не допускается установление государством каких-либо препятствий по доступу к правосудию, например: усложнения в определении юрисдикции и подсудности, необоснованное завышение размера ставок судебного сбора, установление неразумных процессуальных сроков, излишний формализм. Кроме того, констатируется обязанность государства обеспечить соответствующие регулирующие доступ к правосудию, например: установление льгот по освобождению от уплаты судебного сбора для малообеспеченных и социально незащищенных лиц, определение механизма надлежащего уведомления сторон, обеспечение возможности обжалования судебных решений, установление необходимых мер по упрощению процедуры судебного рассмотрения.

Отдельно следует отметить, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не устанавливает обязанность государства предоставить бесплатную юридическую помощь при разрешении всех споров, объектом которых являются «гражданские права». Но так как Конвенция направлена на реальную и практическую защиту прав, в частности права доступа к правосудию, то иногда может устанавливаться обязанность государства обеспечить лицу бесплатную помощь адвоката, когда такая помощь необходима для эффективного доступа к правосудию (см. решение Суда по делу «Эйри (Airey) против Ирландии», п. 26). Вопрос о том, требует ли пункт 1 статьи 6 предоставления бесплатной юридической помощи стороне, будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, должно быть установлено, что отсутствие такой юридической помощи лишит заявителя права на справедливое судебное разбирательство (см. решение Суда по делу «МакВикар (McVicar) против Соединенного Королевства», п. 51).

Право доступа к правосудию не является абсолютным и может допускать определенные ограничения. При рассмотрении дела «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства», Суд определил, что ограничение права доступа к правосудию допускается исходя из того, что по своей природе оно требует правового регулирования государством, которое может меняться в зависимости от места и времени, в соответствии с потребностями и ресурсами как общества, так и

конкретных лиц. Так как при установлении подобного регулирования Договаривающиеся Государства пользуются определенной свободой усмотрения, такое регулирование никоим образом не должно наносить ущерб сути данного права и вступать в конфликт с другими правами, закрепленными в Конвенции [4]. При рассмотрении дела Ашингдан (Ashingdane) против Соединенного Королевства, Суд отметил, что «подобные ограничения не будут отвечать пункту 1 статьи 6 Конвенции, если они не преследуют легитимной цели и не существует разумной пропорциональности между использованными средствами и поставленной целью» (п. 57) [8]. Если доступ к суду ограничен законом или на практике, Суд рассматривает, влияет ли ограничение на содержание права и, в частности, преследует ли оно законную цель и имеется ли разумная соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью. Нарушение пункта 1 статьи 6 отсутствует, если ограничение совместимо с принципами установленными Судом.

Анализ практики Европейского Суда по правам человека дает возможность определить понятие «право доступа к правосудию» и выявить его основные черты. Разграничив понятия «право на суд», «право на справедливое судебное разбирательство» и «право доступа к правосудию», необходимо отметить, что «право на суд» является более широким понятием, которое включает в себя право доступа к правосудию и процессуальные гарантии справедливого судебного разбирательства. В свою очередь, «право на справедливое судебное разбирательство», закрепляемое в пункте 1 статьи 6 Конвенции, подразумевает установление процессуальных гарантий при ведении судебного процесса и требований по эффективности суда, и таким образом оно является элементом права на суд. И хотя Суд выводит понятие «право доступа к правосудию», толкуя норму пункта 1 статьи 6 как такую, которая подразумева-

ет наличие права на доступ, это не означает, что данное понятие является элементом «права на справедливое судебное разбирательство». Данные понятия следует рассматривать, как понятия разного ряда, которые входят в понятие «право на суд». «Право доступа к правосудию» является обособленным правом и толкуется Судом, как право инициировать судебное разбирательство по гражданским делам, из которого следует «право на разрешение спора судом» и «право на надлежащее исполнение окончательных и обязательных решений суда». Данное право устанавливается и санкционируется государством, для надлежащего его выполнения оно должно быть «реальным и эффективным», поэтому устанавливается обязанность государства обеспечить соответствующее регулирование.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года / Организация Объединенных Наций веб-сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года / Организация Объединенных Наций веб-сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
3. Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf.
4. Case 4451/70 Golder v. The United Kingdom. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496>.
5. Case 48778/99 Kutić v. Croatia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60174>.
6. Case 23805/94 Bellet v. France. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57952>.
7. Case 64001/00 Mikulova v. Slovakia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71471>.
8. Case 8225/78 Ashingdane v. The United Kingdom. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57425>.